

Российский консерватизм как симптом

То обстоятельство, что слово «консерватизм» начало все чаще звучать в современной России, свидетельствует как минимум о двух вещах.

Во-первых, об усталости от безыдейного периода перманентных «радикальных реформ», от порожденных ими разброда и шатаний, которые имели место в 1990-х годах и в какой-то степени продолжают по сей день, и от безуспешных попыток внедрить либеральный канон во все сферы общественной жизни. Хотя все еще остается немало пленников либеральной парадигмы, кто наивно полагает, что просто не те люди, не теми средствами строили у нас «современное общество», растет понимание, что вдобавок к этому Россия как культурно-исторический субъект на некоем глубинном уровне эту парадигму отторгает. Никак не расцветает у нас экономика, не строится политическая система (нет «полноценных политических партий»), закон так и не стал доминирующим социальным регулятором на фоне общего упадка образования и культуры. Да и образцовый Запад, так долго восхищавший наших реформаторов, начал демонстрировать исчерпанность и даже самоотрицание классического либерализма, разрушая последние табу и утверждая свирепую диктатуру разнообразных меньшинств, отказ от всех привычных форм идентичности.

Во-вторых, вслед за русским философом В. Эрном можно сказать: «Время славянофильствует» – в том смысле, что и в нашем политическом классе, и в широких слоях общества нарастает пока еще не очень определенная потребность в «органическом развитии», на базе собственного «цивилизационного кода». Правда, представление о последнем в абсолютном большинстве случаев весьма смутно, а когда его формула конкретизируется, то не может не вызывать возражений.

Возможно, поэтому многие и ухватились за слово «консерватизм», которое выражает не столько конкретную идеологию, сколько общую идейную ориентацию на защиту и утверждение – в пику либералам-глобалистам – традиционных национальных ценностей. Поэтому и посылаются властью в духе такой ориентации лишь отдельные «сигналы», «импульсы». Например, ведомство В.Р. Мединского издает документ, в котором говорится, что Россия – не Запад, но, правда, и не Восток. Немаловажной причиной, побуждающей к такого рода заявлениям, является внешний фактор – борьба за многополярность и утверждение собственной субъектности в международных делах. Однако все это, конечно, не столько идеология и не Большой проект, сколько томление по целостной, вырастающей из всей полноты нашего исторического бытия идеологии как важнейшей части Большого проекта. По моему глубокому убеждению, чем ско-

Болдырев Алексей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: alexeyboldyrev@yandex.ru

рее он будет сформулирован и свободно принят обществом, тем больше шансов у современной России занять подходящее ей место в мире.

Но пусть так – пусть современный российский консерватизм, даже если мы назовем его, например, «динамическим консерватизмом», сохранит свою концептуальную неопределенность и потому известную гибкость, привлекая к себе людей довольно разных идейных ориентаций. Но тогда возникает основной вопрос всякого консерватизма: а что, собственно, «консервировать» из прошлого в настоящем, чтобы сформулировать образ желанного будущего? И тут невольно приходится двигаться от абстрактного к конкретному, отвечая на куда более определенный вопрос: как относиться к советскому периоду нашей истории?

Ясно, что те наши консервативные круги, которые его полностью отрицают, считая абсолютным безвременьем, нелепым и трагическим уклонением от естественного исторического пути, не только попадают в один лагерь с радикал-либералами, но и вступают в противоречие с собственными исходными принципами. Ведь если консерватор апеллирует к «цивилизационному коду» или к «неотменяемой российской культурной матрице», настаивая на органическом характере исторической жизни России, то сам Бог велел ему искать ее инварианты, а не отбрасывать как случайное целое семидесятилетие. Уже не говорю о тех устойчивых реликтах советизма, которые, наверное, не случайно все еще продолжают жить в общественном сознании на пространствах бывшего СССР, сопротивляясь попыткам десталинизации-десоветизации, за которыми угадывается логически неизбежная дерусификация.

Консерватизм, если он не хочет стать исключительно ситуационным и сугубо охранительным, не может быть или «красным», или «белым», однозначно просоветским, или только православно-имперским. Мало просто «с уважением» относиться к разным периодам отечественной истории и на почве абстрактного патриотизма встречаться на митингах, к примеру, против ювенальной юстиции, когда хоругви и имперские знамена соседствуют с красными полотнищами. Необходима серьезная теоретическая работа по выяснению неочевидных на первый взгляд общих основ такого исключительно консервативного института, как РПЦ, и революционного учения марксизма-ленинизма, на протяжении десятилетий бывшего идейным ядром Красного проекта. Россия недаром стала их местом встречи, напряженнейшей и трагической борьбы в девятнадцатом столетии, но Россия может и должна их примирить в веке двадцать первом. Только так можно выстроить жизнеспособную консервативную идеологию в современных российских реалиях.

Здесь менее всего мне хотелось бы говорить о внешнем сходстве, например, о квазирелигиозном характере большевизма как теории и социальной практики, указывая не только на различия революционного героизма и христианского подвижничества, Царствия Божьего и коммунизма как «скачка из царства необходимости в царство свободы» и т.п. Тем более что это давно и исчерпывающим образом обсуждено как в научных трудах, так и в публицистике. Оставим также нынешним идеологам КПРФ по инерции сравнивать христианские идеалы и моральный кодекс строителей коммунизма. Не хотелось бы и вдаваться в исторические изыскания по поводу феномена христианского социализма или анализировать латиноамериканскую теологию освобождения. Вместо этого целесообразно, на мой взгляд, предложить общий схематический нарратив, избегающий деталей теоретического обоснования и опирающийся на минимум примеров.

Обращает на себя внимание тот факт, что практически все наиболее яркие представители отечественной мысли так называемого Серебряного века в ходе своей персональной идейной эволюции совершили одно и то же движе-

ние – от материализма и политического радикализма к «новому религиозному сознанию», а многие эволюционировали «от марксизма к идеализму». Такой вектор представляется мне не случайным, а весьма символичным и многозначительным. Ведь если речь идет о подлинном свободном развитии, то налицо не просто замена одного мировоззрения другим, а полноценная жизнь творческой личности, несмотря на все метаморфозы, сохраняющей непрерывность собственной идентичности. Это началось с Достоевского и Вл. Соловьева, и было продолжено Бердяевым, С. Булгаковым, Шестовым и многими другими. Молодая же Страна Советов, как некая коллективная личность, отказалась совершать сходную эволюцию, быстро подавив ростки богоискательства в марксистской среде, выслав в 1922 году на «философском пароходе» значительную часть религиозных мыслителей и открыв гонения на Церковь. Своя своих не познаша, причем как с той, так и с другой стороны. Убоявшись как огня ревизионизма, оппортунизма и всякого рода «поповщины», марксизм-ленинизм российских элитных групп так и не стал «вечно живым и творческим учением». Это обстоятельство, на мой взгляд, во многом предопределило трагическую судьбу СССР.

Как это ни покажется кому-то удивительным, но все монотеистические религии и духовные традиции, включая и христианство, в самом, так сказать, своем метафизическом сердце несут мощнейший революционный потенциал, если слово «революция» вырвать из узких рамок сугубо политического контекста и понимать его как прерыв непрерывности и качественный скачок. Ибо эти традиции и культуры, на них основанные, фиксируют фундаментальную несоизмеримость, метафизическую и ценностную асимметрию Бога, исполненного всяческих совершенств, и мира, «лежащего во зле», Творца и твари – как изначальный и универсальный образчик разрыва в сплошной ткани посюстороннего. Веками в сознании человека, погруженного в такой культурный контекст, творение мира из ничего представало как сакральная парадигма революционного скачка, отнюдь не сближающего, а как раз утверждающего противоположности. Сам же человек в той мере, в какой он есть образ и подобие трансцендентного Бога, его тварный субститут, объективно мог и на этом основании в общем-то должен полагать себя радикалом по отношению к природному и социальному космосу, будь то радикальный эскапизм исключительно внутреннего «духовного делания» или же преобразующий реальность социальный активизм.

Да, существует масса конфессиональных оттенков, множество различных интерпретаций соотношения мир – Бог – человек. Все они, как правило, выхлещивают революционную суть христианства, особенно по мере превращения его в мировую религию, адаптации к массовому сознанию и реалиям социального мира. Но радикально-гностическая закваска из христианства неустранима. То тут, то там она прорывалась не только в еретических течениях, хилиазме, но и в творениях некоторых отцов церкви. Есть две причины, по которым эта закваска была официально осуждена так называемым историческим христианством, ушла в тень и составила существенную часть его неразглашаемого эзотерического ядра. Во-первых, за века своего господства в общественном сознании многих народов христианству не удалось по-настоящему приблизить Град земной к Граду небесному и поэтому для своего элементарного сохранения и исторического выживания самые разные христианские конфессии прежде всего в лице своих иерархов неизбежно шли на все больший компромисс с «языческим миром». И тут радикалы в своей среде были явно не нужны и даже опасны. Во-вторых, гностико-хилиастические тенденции абсолютизировали важнейший, но не единственный аспект совокупного духовного опыта христианства. Григорий Богослов, Ефрем Сирийский, Блаженный Августин и другие в свое время веско и убедительно показали это христианскому миру.

В целом же христианство постепенно превратилось в консервативно-охранительную, а где-то и откровенно реакционную, силу, защитницу монархических режимов и универсального цензора культуры. С наступлением же эпохи Модерна инициатива социального творчества постепенно перешла к тем, кто все менее отождествлял себя с религией и церковью, оставаясь, однако, в лоне христианской культуры и на своем языке выражая в ней то, на что не решались богословы. Огромную роль в этом сыграла светская философская мысль Европы, не связанная церковно-догматической дисциплиной. В классической немецкой философии, в особенности у Гегеля, мы находим грандиозную попытку концептуализации христианской традиции. Древнегреческая философия, послужившая основой для догматического оформления христианства, была признана недостаточной. В своей тщательно разработанной диалектической методологии Гегель, по сути, предложил новую «догматику», наиболее адекватно выражающую существо христианского духовного опыта со всем его скрытым радикализмом. Хотя по понятным причинам сам Гегель вряд ли мог это открыто признать.

Стоит заметить, что Гегель, как, впрочем, и Шеллинг, были в России особенно популярны. В известном треугольнике: Московский университет – кружок Станкевича – журнал «Телескоп» его идеи активно изучались и пропагандировались. Но, что особенно характерно, на Гегеля опирались как наши радикальные демократы, так, например, и славянофилы. Иван Киреевский считал «новейшую немецкую философию удобною ступенью... к любомудрию самобытному», то есть к будущему православному мышлению, продолжающему традиции патристики. И, в общем-то, не ошибся. А Герцен абсолютно точно «угадал» взрывной потенциал гегелевской диалектики, назвав ее «алгеброй революции». Как видим, уже тогда Гегель мог стать своеобразным примирителем русских мыслителей полярных политических ориентаций.

«Царствие мое не от мира сего», – говорит Христос. «Дух существенно есть отрицание бытия», – вторит Гегель, соединяя это свое утверждение с тезисом: «Дух хочет стать действительным Духом», то есть «одействоваться», как переводит Гегеля на свой язык Герцен. Маркс, это «исчадие левого гегельянства», воспользовался мощнейшим концептуальным оружием диалектики, чтобы создать теорию преобразования мира. «Капитал» взорвал буржуазный мир. Этой теорией воспользовались Ленин и большевики, чтобы попытаться одействовотворить ее в плоть и кровь российской общественной жизни. Конечно, ни Маркс, ни Ленин не могли заподозрить, что их революционное учение имеет религиозную природу, что через Гегеля они кровно связаны с христианской традицией. Сам же Ленин, как известно, предпочитал «умный идеализм» «глупому материализму», косвенно подтверждая, условность такого деления для приверженцев диалектической методологии. Иван Ильин в своем труде «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» убедительно показал, что «базовое теологическое образование» не прошло для Гегеля зря, что он по-своему рационализировал опыт тринитарного богосмыслия. В своих трудах, особенно в «Истоках и смысле русского коммунизма» Николай Бердяев довершил дело, хотя и он многое не договаривал. Во-первых, он фактически соглашается с Лениным, утверждавшим, что марксизм Россия выстрадала, что он не случайное явление. Но если Ленин имел в виду освободительное движение, то Бердяев прямо апеллировал к православно-христианским основам нашей культуры. Во-вторых, преодолевая давление белоэмигрантской среды, наш религиозный философ сумел признать частичную правду большевизма и неизбежность революции. При этом он упрекает и Церковь за ее сервильность и отказ от борьбы с несправедливостью, злом и неправдой общественной жизни. По существу, после патриарха Никона – «православного папы» – и раскола реальная роль ее была невелика...

Итак, исходя из сказанного, ответим на вопрос: какой может быть сегодня российская консервативная идеология? Я полагаю, что ею может стать неомарксизм, разумеется, отказавшийся от воинствующего атеизма и материализма, осознающий свои христианские истоки. Это светская идеология, но лояльная к традиционным конфессиям и, в частности, побуждающая РПЦ стать реальной духовно-политической силой для совместного построения общества будущего. В этом нет ничего неожиданного и особенно шокирующего. Судьбы марксизма в XX веке на Западе дают основания полагать, что это учение способно на самые причудливые метаморфозы. А собственно консерватизм заключается в том, чтобы, наконец, понять причины исторического поражения СССР и вернуть к жизни тот советский опыт, который доказал свою жизнеспособность. То обстоятельство, что КПРФ тоже выступает с позиций своеобразного просоветского консерватизма, мало что значит. Эта партия вписалась в нынешний квазилиберальный проект и смешивает лозунги западной социал-демократии с прежним догматическим марксизмом.

Б.В. Межуев. Почему же не получается соединить христианство и марксизм? Причем нигде – ни на Западе... Говорят, в Латинской Америке получалось, в теологии освобождения, но получилось ли, не знаю. Во всяком случае, интеллектуально до нас эти волны не доходят

А.И. Болдырев. Вальтер Беньямин и Блох ни о чем вам не говорят?

Б.В. Межуев. Вальтер Беньямин мне, конечно, о многом говорят...

А.И. Болдырев. [Перебивает. – *Ред.*] Как и в случае с марксизмом, это всего лишь заготовки теоретические, они не получают своего социально-практического и политического выражения. Да, это так. Но мы – идеократическая страна, мы должны эти идеи формулировать, они отвечают каким-то, может быть, глубинным архетипам нашего коллективного бессознательного, но марксизм... Так относиться к марксизму и третировать его, как дохлую собаку, как Гегеля в свое время третировали, я считаю, нет никаких оснований.

Б.В. Межуев. Алексей Иванович, мы, может быть, согласились бы, что не надо, как дохлую собаку. Но какие глубинные основания в марксизме – вот вопрос – не дают возможности такого очевидного и легкого синтеза, который довольно многие люди, начиная от Сергея Булгакова, прокламировали? Почему марксизм является одной из ведущих сил процесса секуляризации?

А.И. Болдырев. Хотел бы сказать в дополнение. Сергей Булгаков, Флоренский во многом были скованы догматической дисциплиной, они не договаривали до конца. Бердяев тоже не все договаривал. Владимир Соловьев – мы здесь говорили о теократическом социализме – это очень тонко чувствовал. Между прочим, отсюда его симпатия к Чернышевскому. Разве он не понимал, что за мыслитель Чернышевский? И тем не менее испытывал симпатию. Это не только его духовное прошлое, когда он Лассалья читал, кресты сшибал на кладбище. Это еще и то, что осталось с ним на протяжении его идейной эволюции. Я считаю, это должен быть текст уровня «Капитала» Маркса. Текст, который станет, по выражению Герцена,

типографическим снарядом, который взорвется в общественном сознании России. И тогда будут партии сверхнового типа, и тогда будут люди, зажженные этой идеей. И тогда мы будем считать, что русская философия как школа мысли, правильно абсолютно говорит Михаил Александрович [Маслин. – *Ред.*], сыграла свою роль. И наша задача это актуализировать и представить это.

М.А. Маслин. А почему марксизм?

А.И. Болдырев. Потому что марксизм не случайно господствовал в течение семидесяти лет. Да, он не стал вечно живым и творческим учением, он превратился в тормоз в конечном счете, но это не значит, что его надо отбрасывать и что он не способен к творческому саморазвитию, движению. Вот чем надо заниматься консервативным кругам. Потому что быть консерватором сегодня – это быть неомарксистом.

А.А. Попов. Я настолько проснулся, что уже теперь не знаю, как засну. У меня первое замечание – по поводу диалектики, что она имеет такое решающее значение. Здесь ссылались на русских философов, на Герцена, который говорил, что диалектика – алгебра революции. Но у Киреевского есть несколько работ, где он пишет о диалектике. Он говорит, что, используя метод диалектики, я могу привести любую теорию к любому содержательному результату. Если нужно, можно доказать, что Бог есть или Бога нет, или нужна самодержавие, или нужна республика. Да, Герцен говорил о том, что диалектика – алгебра революции, но он и Хомякова называл Антеем диалектики. Белинский постоянно в дневниках, когда встречался вечером с Хомяковым, писал: «Не обманул бы он меня моей диалектикой».

Теперь по сути этого синтеза и переплетения марксизма и христианства. Во-первых, в работах, посвященных социальным утопиям, есть понятие «обоснование социального идеала». Могу сказать одно: по обоснованию социального идеала это совершенно разные концептуальные построения. Христианство основано на религиозном обосновании: мы признаем существование Бога, мы стремимся к спасению души. Вся концепция марксизма основана на историческом обосновании социального

идеала, суть марксизма – это экономический детерминизм. И христианство, и марксизм имеют вполне определенную мировоззренческую основу. И по своей мировоззренческой основе они абсолютно несовместимы. Почему все время было такое противостояние? Почему у нас постоянно была эта борьба? Почему мы сейчас очень скептически смотрим на существование коммунистической идеологии? Потому что представить себе, что последовательный марксист стал православным христианином, очень затруднительно.

Б.В. Межуев. Хочу прооппонировать Андрею Алексеичу [Попову. – *Ред.*], потому что, конечно, духовно солидарен с Алексеем Ивановичем [Болдыревым. – *Ред.*], хотя эта солидарность требует ряда уточнений.

Дело не в экономическом детерминизме. Сам по себе факт экономического детерминизма блестяще Бердяев деконструирует. В этом его достоинство как бывшего марксиста. Он говорит, что экономический детерминизм – это грех капитализма. Не в смысле, что марксизм видит в этом какую-то неизбежность человека и т.д. Это только очень специфический, гегельенизированный марксизм, идущий в основном от Энгельса, так понимают экономический детерминизм. Изначально марксизм, если брать особенно ранний марксизм, видел в экономическом детерминизме некое проклятие определенной цивилизации. Бердяев говорил, что марксизм как раз пытался освободить человека от экономического детерминизма, в этом был его гуманистический смысл. Как раз в этом союз христианства и марксизма очень легко обнаружился бы. Тем не менее его нет. Почему же его нет?

Я увидел только одно ясное для меня объяснение. Важная проблема для консервативов – почему в какой-то момент истории в Европе возникает то, что я назвал политическим атеизмом. Почему девять десятых социал-демократических, социалистических движений (с некоторыми уточнениями, например, лейбористы, был момент, заигрывали с христианством) это атеистические движения? Ведь 1830-е годы – это эпоха христианского социализма. И вдруг в 1840-х годах наступает эпоха тотальной атеизации социализма начиная с Прудона, Бакунина. После чего и марксизм, и немецкие младоге-

гельянцы. Буквально по всем странам идет эта волна атеизма. А ведь до этого, в 1830-х годах, социализм воспринимался как возвращение к христианским ценностям против бездушного, чудовищного и отвратительного капиталистического монстра. И тем не менее в 1840-х годах – победа политического атеизма, фактически до сегодняшнего дня важного сегмента политической культуры Запада.

Кстати говоря, все славянофильство возникает отсюда. Славянофилы задавали вопрос: откуда это идет? Откуда после эпохи Гегеля, после эпохи Шеллинга, после эпохи синтеза христианства и Просвещения, после эпохи, когда, казалось, крайности атеистической Французской революции ушли, вдруг опять, откуда ни возьмись, появляется этот политический атеизм и оказывается мощнейшей силой. Причем такой, с которой никто не смог справиться до сегодняшнего дня. Никакие консервативные увещевания ничего серьезного с этим сделать не смогли.

Может быть только один ясный ответ на этот вопрос. Его дал известный социолог Карл Поппер. Мне кажется, он был ближе всех к истине. Он сказал, что главная причина, что с христианской точки зрения невозможно объяснить, зачем человеку надо бороться за свои материальные права. За духовные права, свободу, права человека, право на слово – это можно объяснить каким-то особым образом понимаемым христианством. Но объяснить, почему надо бороться за повышение заработной платы или почему надо бороться за уменьшение рабочей недели, – очень сложно найти религиозно-христианские аргументы для защиты этого. Как бороться за свое животное, за желудок? Герцен же отсюда в атеизм ушел, он отказался любить героические образы Французской революции и он сказал, что надо бороться за простого работника и его простые материальные интересы. И тут же эти материальные интересы увели его в материализм.

Таким образом, для того чтобы говорить о синтезе, нужно зафиксировать напряжение. Тогда можно и синтез обозначить.

А.А. Попов. Славянофилы полагали, что вся концепция западного развития идет от рационализма, и Гегель искажил человеческую природу.

От Гегеля искажение это привело и к Штирнеру, и марксизму. Они считали, что пролетариат – это класс, в котором господствует экономический эгоизм. Если пролетариат возьмет власть в свои руки – конец надежде на то, что христианство сможет восторжествовать.

Б.В. Межуев. В данном случае возникает проблема, как обеспечить принуждение людей к труду, притом к не престижному труду. Ведь славянофилы исходили из чего?..

А.А. Попов. Концепция Русской идеи славянофилов – это отказ от материального. Славянофилы говорили: природа русского человека не ориентируется на материальное благосостояние, мы никогда не будем богаче французов, немцев, англичан. Суть русского мессианизма заключается в том, чтобы стать самым христианским народом.

Б.В. Межуев. В плане интерпретации славянофилов – нет вопросов. Но дальше возникает вопрос: а нужна индустриализация или нет? Как провести индустриализацию с идеями славянофилов?

А.А. Попов. С точки зрения славянофилов – это тупик. Экономическое благосостояние обеспечивается тем, что только небольшая кучка людей, в конце концов, получает бонус.

М.А. Маслин. Несколько слов на правах модератора. Наша секция называется «Идейное наследие русской мысли. Востребованность в современных российских условиях». Мысль Алексея Ивановича Болдырева заключается в том, что некий, никогда реально не существовавший, марксизм, некий чаемый марксизм в соединении с христианством может дать синтез. Но ведь надо обращаться к тому марксизму, который был у нас, к реально существовавшему марксизму. А реально существовавший в России марксизм проиграл эту дуэль и был не в состоянии выступить в качестве одной из сторон чаемого синтеза.

Начнем с Ленина. Ленин проиграл с самого начала эту онтологическую битву с русской религиозной философией. Ленин и весь русский марксизм, Плеханов в том числе. Вместо того чтобы набрасываться на своих же союзников

в «Материализме и эмпириокритицизме», вместо того чтобы изживать Богданова и других творческих марксистов, а потом их уничтожать, расстреливать (Ленин был отнюдь не агнцем в этом отношении), – вместо всего этого нужно было обратиться на тех онтологических противников, которые ему противостояли реально. А кто противостоял? Например, Розанов, например, Соловьев. Ленин неоднократно пишет Плеханову: «Георгий Валентинович, вы разбираетесь в философии, напишите что-нибудь о философии славян». Ничего не написал. Ни Плеханов, ни Ленин. Они проиграли с самого начала, а когда поняли, что проиграли, взяли и выслали всех в 1922 году.

Из тех, кто сохранил марксистские симпатии, самые выраженные, еще большие, чем у Бердяева, – Георгий Петрович Федотов. Это был настоящий революционный марксист, нелегальный марксист. В двенадцатитомном собрании его сочинений приводятся новые материалы, которые свидетельствуют, что Федотов – сын саратовского предводителя дворянства, ставшего потом саратовским полицмейстером, – был настоящим революционным марксистом. Он попытался что-то сделать в плане синтеза марксизма с христианством, когда привлек Степуна, который никогда марксистом не был, Бунакова и Фондаминского, и стали они издавать журнал «Новый град». Журнал не пользовался особым доверием и просуществовал несколько лет. История показывает, что такие попытки синтеза завершались бесплодно.

Все ведущие советские философы-марксисты были глубоко враждебны по отношению к религии. Незабвенный Михаил Трифонович Иовчук на закате своей карьеры вынашивал идею создания пятитомной истории русской философии. Человек он был необычайно деятельный, энергичный. Но только один том вышел уже после смерти Иовчука. Надо сказать, что Иовчук, несмотря на то, что был настоящим сталинистом, был, как мне кажется, наиболее симпатичной фигурой, даже по сравнению с академиком Фроловым, который терпеть не мог религиозной философии. Но это уже фигура, близкая к нашему времени. Фролов – основатель Института человека, куда он ни грана не пустил русской философии, которая, как из-

вестно, вся основана на человеке, если верить Зеньковскому. Или вот Бонифатий Михайлович Кедров, тоже имеющий ареол такого вроде образованного марксиста, член партии с семнадцати лет, сын одного из самых зверских чекистов Михаила Николаевича Кедрова, который лично принимал участие в расстрелах и лично брал заложников, а потом расстреливал. Представить, что Бонифатий Михайлович Кедров мог пойти на какой-то синтез – да ни в жизнь. Я уже не говорю о Мраке Борисовиче Митине и о Феде Константинове, уже полном дебиле. Нужно исходить из того, что у нас было в действительности, а не из какого-то идеализированного марксизма.

Конечно, до сих пор остаются образованные марксисты, их раз-два и обчелся. Багатурия, но он скорее не марксист, а марксолог. Недавно умер Виктор Алексеевич Вазюлин, который был человек довольно толерантный и весьма образованный – один из самых главных специалистов по «Капиталу» Маркса. Мы вместе работали на факультете, и он как-то сказал в споре о марксизме: «Вы знаете, я умру марксистом». Умер марксистом. Что от этого? Был такой Бронислав Васильевич Богданов, который написал книгу «Ленинские принципы анализа истории философии». Верный, твердый ленинец, и человек вполне искренний. Самый искренний человек, он завел пасеку в Тверской области и там живет, в Москву не ездит. Кто еще? Есть Бузгалин, активный марксист. Он на дух не выносит ничего религиозного, никакой религиозной философии. Все это – реальное, а не чаемое состояние марксизма в России. Марксизм, конечно, это великое явление, последнее влиятельное явление XX века. Но надо, наконец, согласиться, что в XXI век он не прошел. Он не конкурентоспособен.

А.И. Болдырев. Недаром почти все американские профессора – марксисты.

М.А. Маслин. Известны мне все эти профессора, друзья Кувакина [В.А. Кувакина. – *Ред.*]. Они уже давно не марксисты, а гуманисты. А марксизм и гуманизм – разные вещи.

А.И. Болдырев. Китайские товарищи демонстрируют нам...

М.А. Маслин. Нет, они по-другому. Китайская идея, которая называется теперь «китайская мечта», основана на сочетании с конфуцианством всего... Они всё, всякую веревочку туда тащат. Это не марксизм, это его китайская версия.

А.И. Болдырев. Так и я предлагаю русскую православную версию.

М.А. Маслин. В личном нашем бытии такого варианта я не вижу. Может быть, где-то далеко найдем каких-нибудь ушедших в леса марксистов, но вряд ли... Конечно, идея ваша красивая...

Б.В. Межуев. Можно уточняющий вопрос? Что именно из марксизма мы как консерваторы должны взять, чтобы создать эффективную действующую общественную модель?

А.И. Болдырев. Во-первых, стоит иметь в виду следующее: хотим мы этого или не хотим, марксизм лег в основание семидесятилетнего периода существования нашего народа и нашего государства. Вычеркивать который, не видеть в нем ничего позитивного...

М.А. Маслин. Это другое дело.

А.И. Болдырев. Михаил Александрович, мы не имеем права. Другое дело, насколько адекватно марксизм отразился, потому что Ленин по сравнению с тем же Плехановым говорил: нет у нас пролетариата, ну и плевать. В своей политической практике он был идеалистом, философским идеалистом. И он эту партию нового типа создал. Он создал политический субъект, который нам и не снился сейчас. Вот какой опыт надо учитывать. Марксизм должен был быть достроен. Евразийцы об этом говорили, Бердяев об этом говорил – достроен новым человеком, духовной революцией. От диктатуры пролетариата к диктатуре духа и творчества. Они мечтали о новой христианской эпохе. А базисные основы для этого были построены при коммунистах. Да, через кровь, да, издержки были. Но тот же Бердяев говорил: хорошее дело – отмена крепостного права? Хорошее. Но без насилия отменить крепостное право было нельзя. Это к вопросу о роли насилия. Вот Ципко мне здесь доказывал...

М.А. Маслин. Насилие? Одним росчерком пера 19 февраля 1861 года. Какое насилие?

А.И. Болдырев. А полицейские ходили, а бунты были, а протесты были. Михаил Александрович прав: благодаря этим догматикам марксизм превратился в свою противоположность, из вечно живого и творческого учения он стал основным препятствием на пути творческой реализации личности. Но яд можно превратить в бальзам, если он соответствующим образом препарирован. Михаил Александрович, ведь не случайно марксизм-ленинизм был воспринят массами, в конце концов. Социальный прогресс, культурная революция – это все заслуга марксистов. И мы бы с вами сейчас не сидели здесь и не разговаривали, если бы не Красный проект.

М.А. Маслин. Дорогой, странно от тебя слышать, поскольку, конечно, Ивана Александровича Болдырева я хорошо помню, твоего отца, который был честным марксистом, историком философии. Я – тоже сын философа-марксиста. Прекрасно знаю всю эту среду марксистскую философскую, которая моего отца угробила, довела до могилы. Я эту среду очень хорошо знаю и никаких иллюзий не питаю, что из нее может появиться создатель нового синтеза. Не верю. Как говорил Константин Сергеевич Станиславский: «Не верю».